

Предисловие

По прошествии все новых десятилетий после завершения второй мировой войны отчетливее вырисовывается ее роль как основы современного мироустройства. Политическое, идейное и нравственное противостояние, достигшее своего высшего и всеобщего напряжения в конце 30-х--середине 40-х годов XX века придало современной цивилизации те формы, в рамках которых только и смогло совершаться ее последующее развитие. Победа в войне придала силы и советской системе, снабдила ее преемников пропуском в третье тысячелетие. Наследие победы над национал-социализмом остается спорной территорией, а интерпретация событий, приведших к войне, -- частью сегодняшнего общественного сознания (по меньшей мере, в России и странах Восточной Европы). Исторические идеологемы и взлелеянные мифы медленно уступают власть над умами. Нередко они принимают вид широкого научного обобщения, непредвзятого исследования ("восстановление исторической правды", заполнение "белых пятен"), обрастают рациональной аргументацией и архивными ссылками.

Замысел небольшой работы, предлагаемой вниманию читателя, был иным. Возможность ознакомления с обширной документацией, прежде всего из фондов ЦК ВКП(б) и Наркомата иностранных дел СССР, об отношениях Советского Союза и Польши в связи с заключением договора о взаимном ненападении побуждает вернуться к этой полузабытой проблематике. За последние четверть века историки обращались к ней лишь мимоходом¹. Договор о ненападении с Польшей обычно оценивается либо как успех миролюбивой, избегающей всяких конфликтов политики Москвы, либо как тактический маневр в осуществлении ею долгосрочных целей имперского господства. Непосредственные причины заключения советско-польского пакта усматриваются прежде всего в общем желании СССР укрепить свое положение в Европе, чтобы сосредоточиться на противодействии Японии (которая в конце 1931 г. начала овладение Северным Китаем). Во всяком случае, поведение Москвы *vis-à-vis* Польши признается функцией отношений СССР с великими державами, отражением "большой дипломатии", а не его коренных политических потребностей.

Новые документальные материалы рисуют неизмеримо более сложную картину². Они не только позволяют реконструировать некоторые оставшиеся неясными эпизоды двусторонних политических отношений тех лет, но и пересмотреть устоявшиеся представления о причинах и мотивах советского (и, отчасти, польского) руководства, приведших к заключению пакта о ненападении и конвенции о согласительной процедуре. В этом контексте политика Польши предстает одним из ключевых факторов международного положения Советского Союза (который в тот период являлся по преимуществу региональной, а не мировой державой), что подтверждается заинтересованностью Москвы в достижении политического компромисса, нашедшего выражение в договорах 1932 г. Вместе с этим становится неизбежной и попытка определить историческое место договора о ненападении во взаимоотношениях двух стран, его роль в советской политике предвоенного десятилетия.

Другой аспект предлагаемой работы обращен к процессам принятия решений и их реализации в дипломатической деятельности -- проблематике, которая разрабатывается в политологических исследованиях. Сравнительный анализ того, как складывались и осуществлялись внешнеполитические установки в Кремле и на Кузнецком мосту, в Бельведере и на Вежбовой, дает немало оснований усомниться в институциональной эффективности обоих, столь несхожих между собой, авторитарных

¹ См., например: Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сборник статей / Отв. ред. Э. Дурачиньски, А.Н. Сахаров. М., 2001. Библиографию ранних работ, специально посвященных пакту ненападения см.: A. Skrzypek. Polsko-radziecki pakt o nieagresji z 1932 r. // Z dziejów stosunkow polsko-radzieckich. T.XIII. S.17.

О содержании советско-польского договора 1932 г. (и заключенной годом позже конвенции об определении агрессии) совершенно забыли представители МИД РФ, в сентябре 1999 г. заявлявшие, что указания на «"агрессию бывшего СССР против Польши" не имеют подтверждения в каких-либо международно-правовых документах и не могут быть приняты» (Сообщение МИД РФ "60 лет началу Второй мировой войны").

² Разумеется, автор не считает возможным полемизировать с исследователями, которые не могли получить доступа к документам, используемым в данной книге. Этим в основном объясняется эпизодичность ссылок на ранее изданные работы, включая столь важные синтетические монографии последнего десятилетия, как: W. Materski. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918-1939. Warszawa, 1994; S. Gregorowicz, M.J. Zacharias. Polska-Związek Sowiecki: Stosunki polityczne 1925-1939. Warszawa, 1995.

режимов, один из которых достиг своей зрелости, а другой находился в стадии становления. Неожиданно важной оказывалась поэтому роль "исполнителей", их личные взгляды и неформальные связи, переплетение внешних обстоятельств с внутренними.

Отдавая эту работу на суд читателя, трудно не пожелать, чтобы изложенные в ней материалы и суждения не только помогли созданию достоверного образа взаимоотношений СССР и Польши, советской внешней политики в целом, но и оказались - прямо или косвенно -- полезны для более ясного, сдержанного и прозрачного, осмысления некоторых сегодняшних коллизий и перспектив их преодоления.

* * *

Принимая на себя ответственность за корректность использования предоставленных ему документов и их интерпретацию, автор не может не выразить искренней признательности руководству и сотрудникам поименованных в книге архивов Москвы, Варшавы, Лондона и Вашингтона, а также Фонду Джона Д. и Катерин Т. Макартуров, поддержка которого позволила осуществить широкий поиск архивных свидетельств. Публикация этой работы оказалась возможной благодаря лестному вниманию к ней со стороны Генерального консульства Польской Республики в Санкт-Петербурге, в особенности консула по делам культуры доктора Иеронима Грали.